

?

Она помнила, как тот подросток стоял, опустив голову и крепко вцепившись в край материнской куртки. Под градом презрительных взглядов, насмешек и унижительного изгнания он не проронил ни слова. Но его плотно сжатые губы и неестественно прямая спина выдавали упрямство, совершенно не свойственное его возрасту.

В конце концов, мать с сыном безжалостно вышвырнули за дверь. Они растворились в дождливой ночи, и с тех пор в семье Цзян о них больше никогда не вспоминали.

И вот теперь этот мужчина стоял прямо перед ней. От него исходила ледяная, свирепая аура, а на коротких черных волосах серебрились мелкие снежинки. Резкий излом бровей, жесткая, словно высеченная из камня линия челюсти – каждая черточка его лица кричала об опасности и отчужденности, ясно давая понять: «Не подходи – убьет».

Она никак не могла связать того забитого, втопанного в грязь подростка из своих воспоминаний с этим властным, подавляющим человеком, стоящим перед ней.

Но это лицо, эти едва уловимые знакомые черты... Сомнений быть не могло, это один и тот же человек!

– Цзян... Цзян Цзюэ... это ты? – наконец обрела дар речи она, неуверенно прощупывая почву, всё ещё отказываясь верить своим глазам.

Цзян Цзюэ словно оглох. Он даже не удостоил её взглядом, будто она была лишь пустым местом, назойливой мошкой у дороги.

Вместо этого он протянул руку и до дрожи естественным, собственническим жестом поправил сбившийся воротник куртки Чу Яна. Его пальцы, покрытые тонкими жесткими мозолями от постоянного обращения с клинком, будто невзначай скользнули по линии подбородка Чу Яна. Прикосновение было прохладным, но обжигающе интимным.

Чу Ян рефлекторно втянул голову в плечи. От этого мимолетного касания прохладных пальцев по коже пробежал щекочущий электрический разряд.

- Идем, – бросил Цзян Цзюэ. Его голос оказался холоднее снежинок, тающих на коже, а в самом конце фразы скользнула едва уловимая, мрачная тяжесть.

Настроение у него явно было паршивее некуда. Едва бросив это слово, он развернулся и зашагал прочь.

Чу Ян, со своей чуйкой ретривера, мгновенно уловил гнетущую, давящую ауру, исходящую от босса.

Он мигом захлопнул варежку, проглотив миллион вертевшихся на языке вопросов, покорно вжал голову в плечи и послушно засеменил следом. Впрочем, мозг продолжал лихорадочно соображать: «Какого черта? Что стряслось с братом Цзяном?»

«Только что ведь всё было нормально! С чего это он так резко переменился в лице, стоило этой Цзян Линь появиться?»

А вот оставшуюся позади Цзян Линь охватила паника.

Все эти дни она в ужасе пряталась по щелям. По ночам сворачивалась в клубок, трясаясь от пронизывающего холода, а от голода спасалась, давясь сухими галетами. Она своими глазами видела, как зомби рвут людей на куски, и на собственной шкуре познала, каково это – быть брошенной товарищами на растерзание.

Она по горло сыта этой жизнью, где каждый день мог стать последним, где ты – лишь кусок мяса на разделочной доске.

Внезапное появление Чу Яна показалось ей спасительной соломинкой. Она же прекрасно помнила, как в прошлом этот парень, пуская слюни, бегал за ней хвостиком и ловил каждое её слово!

Но сейчас... он смотрел на неё как на пустое место, словно жаждал откреститься от любого знакомства! Жгучая обида и нежелание мириться с реальностью захлестнули её.

Не раздумывая ни секунды, она торопливо вскочила с земли. Ногти так впились в ладони, что

едва не проткнули кожу. Она снова потянулась, чтобы вцепиться в рукав Чу Яна:

– Чу Ян, подожди...

Однако её пальцы не успели даже коснуться ткани. В воздухе их перехватила сильная, словно выкованная из льда ладонь.

Цзян Цзюэ, неизвестно в какой момент успевший развернуться, непробиваемой скалой заслонил собой Чу Яна.

Он стиснул запястье Цзян Линь. Хватка не казалась стальной, но в ней таилась такая непререкаемая угроза, что было ясно: стоит ему чуть-чуть надавить – и кости с хрустом сломаются.

Мужчина посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах не было ни капли гнева – лишь бездонное, пугающее равнодушие и слабая тень брезгливого раздражения от того, что кто-то посмел нарушить его границы.

Цзян Линь почувствовала, как от запястья вверх по руке ползет пронизывающий до костей холод. Её затрясло, и все слова разом застряли поперек горла.

Воздух вокруг них словно заледенел. Повисла тяжелая, осязаемая тишина.

Даже до непрошибаемого, как бревно, Линь Сяо дошло, что дело пахнет керосином. Он ткнул локтем стоящего рядом Су Мубая и прошептал:

– Сяо Бай, как думаешь, босс в бешенстве?

Су Мубай молча наблюдал за безмолвным противостоянием троицы впереди и, разумеется, прекрасно понимал, в чем тут дело. Если Цзян Цзюэ кого-то объявлял «своим», он защищал его абсолютно открыто и не терпя никаких возражений.

Впрочем, лезть в подобные дела ему было не с руки, поэтому он лишь едва заметно кивнул.

Линь Сяо же, скрестив руки на груди и потирая подбородок, продолжил строить свои «гениальные» теории:

– А чего он тогда бесится? Неужели из-за того, что за Чу Яном теперь бабы бегают, а он сам всё ещё холостяк? Завидует, что ли?

Он выдержал паузу и с умным видом добавил:

– Или боится, что эта стерва его обведет вокруг пальца? Ты только глянь на неё: глазки так и бегают, сразу видно – та ещё интриганка.

Слушая этот бредовый поток сознания Линь Сяо, Су Мубай лишь обреченно закатил глаза. Ему было лень спорить с этим идиотом. Он просто шагнул вперед, подошел к застывшей троице и разбил ледяную тишину:

– Босс, снег усиливается, да и темнеет быстро. Если прокопаемся еще дольше, температура рухнет вниз, а дорога станет совсем непроходимой. Нам пора выдвигаться.

Его спокойный, ясный голос вырвал всех из оцепенения, возвращая в суровую реальность.

Цзян Цзюэ коротко кивнул и наконец разжал пальцы, отпуская запястье Цзян Линь. Он сделал это с таким видом, словно брезгливо отшвырнул кусок грязного мусора.

На этот раз он не стал ждать, пока Чу Ян сообразит перебирать ногами. Вместо этого он просто протянул руку, властно сжал ладонь Чу Яна в своей и, потянув его за собой, решительно зашагал вперед.

Его ладонь была широкой, с жесткими мозолями от постоянного обращения с клинком. Слегка грубоватая на ощупь, она обжигала своим жаром и скрытой силой, полностью, до собственнической дрожи, поглощая руку Чу Яна в своем надежном захвате.

От этого внезапного прикосновения Чу Ян опешил. Он споткнулся и едва не запутался в собственных ногах, прежде чем кое-как подстроиться под широкий шаг мужчины.

Он опустил взгляд на их сцепленные руки. Кожа буквально горела, подушечками пальцев он отчетливо чувствовал каждую линию и жар чужой ладони. Затем он вскинул голову, уставившись на высеченный изо льда, резкий профиль Цзян Цзюэ. В голове стоял сплошной гул: «Брат Цзян, это... какого черта это сейчас было?»

«Мы что, держимся за руки?!»

«Брат Цзян сам, по собственной воле, взял меня за руку?!»

Если сложить это с тем, как шокировано Цзян Линь выдохнула имя «Цзян Цзюэ», и с тем абсолютно ненормальным напряжением между ними... В мозгу Чу Яна мгновенно поднялся занавес, открывая сцену для низкосортной мыльной оперы: «Неужели брат Цзян и эта Цзян Линь раньше встречались?!»

«Наверное, их разлучило давление семьи! Ну, там, предрассудки богатенького клана Цзян? Или какое-то трагическое недоразумение, из-за которого их насильно растащили по разным углам?!»

«И вот теперь, случайно столкнувшись посреди апокалипсиса, брат Цзян видит, как его бывшая (ну, предположительно) чуть ли не вешается на шею его верному прихвостню. Брат Цзян что... приревновал?!»

«И решил вот таким способом заявить свои права на территорию?!»

От этой мысли в груди Чу Яна кольнуло странное, едва уловимое чувство дискомфорта. Словно под ребра загнали крошечную иголку. Но этот укол исчез так же быстро, как и появился, мгновенно погребенный под лавиной возбуждения от собственного «озарения».

Он не удержался и снова бросил вороватый взгляд на Цзян Цзюэ, а затем скосил глаза на оставшуюся позади Цзян Линь – с бледным личиком и покрасневшими от слез глазами. Один – ледяной и невероятно сильный, другая – хрупкая и красивая. Если судить чисто по внешности, они и правда... неплохо смотрелись вместе?

«Так, может, мне стоит сыграть роль купидона и помочь им сойтись?»

«Конечно, по этой Цзян Линь сразу видно – та еще стерва, но вдруг брату Цзяну именно такие и нравятся?»

«Дела сердечные – штука сложная, посторонним тут не разобратся».

Он то озадаченно чесал затылок, то покусывал губы. Выражение его лица менялось каждую секунду, а сам он запутался в собственных мыслях так, что мозги свернулись кренделем.

Линь Сяо и Су Мубай, наблюдая за тем, как Цзян Цзюэ ни с того ни с сего берет Чу Яна за ручку и уводит в закат, тоже слегка выпали в осадок. Они многозначительно переглянулись, синхронно скривили губы и, не произнеся ни слова, зашагали следом.

Однако стоило им сделать лишь пару шагов, как толпа выживших, немного оправившихся от шока, хлынула вперед и плотным кольцом преградила им путь.

– Б-братья... Уважаемые братья! – мужчина в очках, с виду похожий на школьного учителя, нервно потирал покрасневшие от мороза руки. На его лице застыло подобострастное, умоляющее выражение. – Сделайте милость, возьмите нас с собой! Нам... нам правда больше некуда идти! В этом ледяном аду, где кругом кишат зомби, мы просто не выживем!

– Да-да! – тут же подхватила женщина с ребенком на руках. Ее глаза покраснели от слез. – Вы же такие сильные... вы ведь эсперы, да? Умоляем вас, позвольте нам пойти с вами!! – ребенок, почувствовав панику матери, тоже тихонько захныкал, утыкаясь ей в грудь.

– Возьмите нас с собой!

– Умоляем!

Воздух мгновенно наполнился разноголосым хором отчаянных просьб.

Около дюжины человек – мужчины и женщины, старики и дети – сейчас смотрели на Чу Яна и его команду. В их взглядах смешались животный страх, отчаяние и робкая, судорожная надежда.